

неоднократно упоминаемой в писцовых книгах Деревской пятины. В. Л. Васильев ссылается и на грамоту № 526 — но лишь как на свидетельство употребительности прилагательного в древненовгородском диалекте. Имеет смысл, на наш взгляд, взглянуть на ситуацию иначе, предположив, что именно волость Крупая, главное поселение которой вполне могло именоваться в XI в. *Крупое*, упоминается в грамоте, открывая ту ее часть, в которой перечисляются должники, проживающие на территории будущей Деревской пятины.

№ 530 (70-е – 80-е гг. XIV в.; Г 87) [Г]. В ДНД текст грамоты передан в следующем виде: ... | **будете тобѣ** **н[ѣ]-----н[ѣ]а-и ано азъ не говору а**... Такая запись оставляет без интерпретации около пятнадцати полностью и частично сохранившихся букв, что ставит задачу более полного прочтения текста. В конце третьей строки следует восстановить прочитанную издателями последовательность **пытном**, в которой, с учетом фрагментов двух букв слева, опознается наречие [*ис*]пытно (или форма дательного или местного падежа прилагательного *испытный*).

Буква между *а* и *и* во второй строке, обозначенная в ДНД прочерком, — *с* или *е*, причем (учитывая высоту, на которую видна эта буква) более вероятно первое. Однако последовательность *неаси*, равно как и *неаеи*, не допускает перед последующим *ано* никакой правдоподобной интерпретации. Значит, какие-то из букв определены неверно. Действительно, обращение к фотографиям и оригиналу показывает, что буква, прочитанная как *а*, — это на самом деле *а*, исправленное из *л*. С другой стороны, знак, трактованный как *а* в слове *ано*, с большим основанием может быть определен как *л*. В таком случае в тексте прочитывается фраза: *а си[л]но азъ не говору*.

Говорить сильно может означать ‘браниться’, ср. *сильные выражения*; с другой стороны, не исключено, что глагол сохраняет здесь свое старое значение ‘обвинять, выражать недовольство’ (сохраняющееся в *оговорить*), а в сочетании с *сильно* означает ‘возводить произвольное обвинение, проявля самоуправство’. С этим значением хорошо сочетается появляющееся в следующей фразе *испытно*, характеризующее, напротив, обоснованное, проверенное обвинение (ср. в ПВЛ под 996 г.: *достоитъ ти казнити разбоиники, но с испытном*).

На переходе с первой строки на вторую еще раз прочитывается [*сил*]н-. Последняя буква читается неуверенно: это может быть как *е*, так и *ѣ*. В обоих случаях мы имеем дело с вариантом *сильнѣ*, представленном не только в книжных, но и в деловых текстах (ср. пример из Слов. XI–XVII, 24: 141): *поставили избу да клѣт(ѣ) силне*). Это наречие хорошо встраивается в реконструируемый текст, позволяя прочесть следующее: *Будете тобѣ: не ----- [сил]н[ѣ]. А си[л]но азъ не говору, а(зъ) [ис]пытно*. На месте прочерков естественно было бы ожидать императив *говори*, однако остатки букв после *не* препятствуют этому. Сколько-нибудь надежная реконструкция для этого места невозможна, однако заметим, что здесь могло читаться, например, подходящее по буквам *не [пыри]* — от экспрессивного *пырить*, известного в говорах в значениях ‘колоть, укалывать’ (СРНГ, 33: 196; ср. пример из Даля: *он вилами пырит в меня*; ср. там же *пырка* ‘о раздражительном, сердитом человеке’). Что же касается *будете тобѣ*, то для него хорошо подходит современное значение ‘хватит’; однако конструкция могла быть и другой, например: (*соромъ*) *будете тобѣ*. Используя первую возможность, реконструируемый текст можно перевести: ‘Будет тебе, не нападай (не горячись) сильно!’ — ‘А я «сильно» не говорю, я (обвиняю) обоснованно’. Подобно целому ряду аналогичных документов (ср. № 3, 755, 962), грамота, по-видимому, включала пересказ диалога.

№ 531 (кон. XII – I пол. XIII в.; Б 98) [Г]. Перевод и комментарий в ДНД₂, опирающиеся на совокупность высказанных за тридцать лет толкований этого важнейшего документа, отразили и ряд положений моего доклада, сделанного на семинаре в Институте русского языка РАН в мае 2002 г. Поскольку предложенная в этом докладе трактовка ситуации грамоты воспроизведена в книге А. А. Зализняка, ограничусь несколькими замечаниями, поясняющими ее исходные основания и уточняющими нюансы интерпретации. Для удобства приведем текст грамоты с современной пунктуацией и конъектурами (обозначены подчеркиванием):

+ *Ѡ Ане поклоно ко Климате. Брате господине, попецалоуи о моем орудье Коснятиноу. А ныне изветаи емоу людеми: «Како еси возложило пороукоу на мою сестроу и на доцерь еи, назовало еси състроу мою коуровоу и доцере бладею, а нынеца Ѡедо прѣхаво, оуслышаво то слово, и выгонало сестроу мою и хотело потяти». А нынеца, господине брате, согадаво со Воеславомо, молови емоу: «Тако еси возложило то слово, тако доведи». Аже ти возомолови Коснятино: «Дала роукоу за зате», ты же, браце господине, молови емоу тако: «Оже боудоу люди на мою състроу... оже боудоу люди, при комо боудоу дала роукоу за зате, то те а во вине». Ты пако, брате, испытаво, которое слово *возвело* на ма и пороукоу, а боудоу люди на томо — тебе не сестра, а моужевеи не жена, ты же ма и потени не зера на Ѡедора. И дала моа доци коуны людеми с ызветомо, а заклада просила. И позовало мене во погосто, и азо прехала, оже оно поехало проце а река тако: «азо солю 4 дворано по гривене сьрѣбра».*

Принципиальное значение для понимания ситуации грамоты имеет соотношение четырех контекстов, связанных через общие актанты и предикаты: (1) *еси возложило пороукоу на мою сестроу и на доцерь еи, назовало еси състроу мою коуровоу и доцере бладею*; (2) *Ѡедо прѣхаво, оуслышаво то слово, и выгонало сестроу мою и хотело потяти*; (3) *такое еси возложило то слово, тако доведи*; (4) *испытаво, которое слово **возвело** на ма и пороукоу*. Рассматривая эти контексты, естественно исходить из того, что повторяющиеся слова обозначают в них одно и то же, а разные слова — разное. В предлагавшихся толкованиях грамоты этот принцип сплошь и рядом нарушался. Наиболее последовательно, но всё же не полностью, он соблюден ДНД₂, где *слово* трижды переведено как ‘обвинение’, *порука* — как поручительская ‘ответственность’ и ‘поручительство’, а глаголы *възложити* и *възвести* переданы их современными продолжениями — ‘возложил’ (в сочетании *възложиль слово* — как ‘предъявил обвинение’) и ‘взвел’. При этом, как следует из комментария, эти глаголы рассматриваются как синонимы: «В выражении *възложити (възвести) поруку* глаголы *възложити* и *възвести* означают ‘взвести’ в том же смысле, как в современном *взвести на кого-либо напраслину*, т. е. ‘утверждать (как правило, ложно), что данный человек нечто совершил (или сказал)’» (ДНД₂: 417–418). Это положение, на мой взгляд, нуждается в корректировке.

В современном русском языке *возложить* и *возвести* в соответствующих значениях семантически далеко не тождественны. *Возвести* употребляется только по отношению к утверждениям, которые оцениваются как ложные: *возвести* можно *напраслину, клевету*, а также *обвинение* — но только ложное (ср. у Даля: «*Взводить что на кого*, клеветать, обвинять неправо»). Между тем, *возложить* в данном отношении нейтрально: говоря, что X *возложил ответственность (вину)* на Y, мы ничего не утверждаем о том, справедливо или нет это было сделано. Это противопоставление, по-видимому, является древним; во всяком случае, все словарные примеры на *возвести/возводить* удовлетворяют указанному ограничению, оправдывая определение значения в Слов. XI–XVII (2: 271): ‘возвести на кого-л. ложное обвинение, оклеветать’. На этом фоне распределение двух глаголов в грамоте № 531 выглядит закономерным: ими обозначены одни и те же утверждения Коснятина, но в разных речевых ситуациях.

Будучи самым длинным из дошедших до нас берестяных писем, грамота № 531 уникальна и по своей коммуникативной организации. Ее основу создает цепочка «вложенных» друг в друга речевых актов: Анна сообщает Климате, что тот должен сказать Коснятину в связи с тем, что Коснятин сказал об Анне в связи с тем, что она сказала. В начале этой коммуникативной цепочки стоят слова поручительства, якобы произнесенные Анной. Ее заключительным звеном или внешней оболочкой является обращение Анны к Климате, то есть сам текст письма. Промежуточные звенья — это слова Коснятина, сказанные им об Анне и ее дочери, и заявление Коснятину, которое Анна предлагает сделать Климате. Именно в этом заявлении дважды употреблена форма *възложиль*, тогда как *възвель* выступает в речи самой Анны, обращенной к Климате.

«Проект» обращения Климаты к Коснятину составлен Анной с большой осторожностью и не содержит открытого обвинения или упрека обидчику. Сначала Климате должен просто сообщить о последствиях, которые произвели действия Коснятина — его заявление о поручительстве Анны и ее дочери и произнесенная в их адрес брань; затем он должен предложить Коснятину доказать его обвинение, допуская при этом, что

оно может оказаться справедливым. Альтернативный исход дела подразумевается, но не эксплицируется. Поэтому фразу *извѣтай емоу людьми* следует, на мой взгляд, переводить не ‘сделай ему при людях [следующее] заявление о его неправоте’ (ДНД₂), а так, как она была переведена в издании: ‘объяви ему при свидетелях’; глагольная лексема имеет здесь то же общее значение публичного объявления, что и употребленное далее в тексте существительное *извѣтъ* (*И дала моа доци коуны людеми с изветомо*) (ср. Лингв., § 82).

В своем собственном обращении к брату Анна не связывает себя рамками политкорректности и дает волю эмоциям. Утверждение Коснятина о ее поручительстве квалифицируется ею как наговор, что и передает обозначение его формой *възвель*, противопоставленной нейтральному, безоценочному *възложилъ* в речи Климьяты. Это различие проявляется и в структуре условных периодов, которые включают два высказывания. Совпадая в формулировке условия, они существенно расходятся в формулировке следствия. Ср.:

*оже боудоу люди, при комо боудоу дала роукоу за зате, то те а во вине;
а боудоу люди на томо — тебе не сестра, а моужеву не жена.*

Климьята, предложив Коснятину доказать «возложенное» им обвинение, должен сказать, что Анна, в случае подтверждения факта ее поручительства, готова признать свою вину. В речи самой Анны, предлагающей Климьяте проверить обоснованность «возведенного» на нее обвинения, следствием при том же условии выступает эмоционально-риторический отказ от родства. В первом случае условие и следствие мыслятся как возможные; во втором случае — как нереальные, поскольку утверждение, подлежащее проверке, подается как заведомо ложное.

Для уяснения того, как соотносятся в грамоте понятия «слово» и «порука», существенна пропорция между контекстами (1) и (4):

(1)	възложилъ поруку	называлъ куръвою-блядью
(4)	възвель поруку	възвель слово

Из этой пропорции следует, казалось бы, что под «словом» нужно понимать брань, произнесенную Коснятином¹². Но это значение явно неприложимо к контексту (3), в котором Коснятину предлагается *довести* «возложенное» им *слово*, то есть доказать его. Значением, подходящим ко всем трем контекстам, оказывается ‘обвинение’ (см. Факкани 1995, где *слово* трижды переведено как ‘accusa’) — но только в том случае, если рассматривать это понятие в единстве его содержательного и формального аспектов. Указанная пропорция позволяет видеть в брани Коснятина экспрессивную форму, в которую вылилось предъявленное им обвинение. Что же касается содержания, предмета обвинения, то им, безусловно, не мог быть факт поручительства. Это следует из контекста (4), в котором «порука» и «слово» упоминаются по отдельности, и ясно из общих соображений: в глазах Коснятина поручительство Анны в принципе не могло оцениваться негативно, так как именно оно служило главной гарантией сохранности порученных зятю Анны средств. Инкриминировать Анне можно было лишь невыполнение ею поручительских обязательств, неверность своему слову, обман.

При таком понимании предмета обвинения его форма оказывается по-своему адекватной содержанию, поскольку однокоренные с *блядь* глаголы *блясти*/*блудити* означают одновременно ‘распутничать’ и ‘лгать, обманывать’. Показательна в этом отношении фраза из грамоты № 129: *да пересльшиваи о Таньи цо бѣ не бло(у)дила цого зра* [перевод в ДНД₂: ‘да следи за тем, что говорят о Танье, чтобы не занималась темными

¹² Стопроцентная надежность конъектуры *коуровою* (<*коуръвою*>), подразумевавшейся уже издателями и принятой в ДНД, подтверждается неоднократным использованием пары *курва-блядь* как бранного выражения в русских былинах. См., например: «Брала от ней чарочку в белы ручки, А назад то ей чарочку повыплеснула, Кунью шубоньку облила, Курвой-блядию оклѣскавала» (Гильфердинг, № 84, с. 518 [Хотен Блудович]); «Кабы был бы ты да не мой бы дядюка, Я бы назвал тебя я бы прямо сводничком, Кабы не тетушка была бы, назвал курвой б...ю» (Добрыня и Алеша, с. 186 [Алеша Попович и Тугарин]). Устойчивость этой пары вызывает сомнения в том, что два бранных слова действительно «распределены» Коснятином между Анной и ее дочерью. С этой странностью корреспондирует другая: Коснятин, если верить грамоте, «возложил поруку» на Анну и ее дочь, хотя последняя никак не могла выступать поручителем за своего мужа. По всей вероятности, за зятя поручилась (или не поручалась) одна Анна, и курвой-блядью Коснятин назвал только ее; дочь же Анны была вставлена во фразу для большего эффекта.

делами (букв.: чтобы не блудила чего зря)']. С точки зрения Коснятина, Анна как раз и занималась таким «блудом», что оправдывает данное ей бранное определение.

Объяснимой выглядит в таком случае и бурная реакция на «слово» Коснятина Федора, мужа Анны. Узнав о нанесенном его жене (а значит, и ему) оскорблении, Федор реагирует так, как если бы брань Коснятина соответствовала действительности: поступает с Анной как с неверной женой — хочет убить и выгоняет из дому. Причина этого, видимо, заключается в том, что Федор полагает обвинение Коснятина небезосновательным: если Анна действительно поручилась за зятя, а теперь отрицает это, именование ее «курвой-блядью» оказывается «заслуженным» и формально не может быть признано оскорблением (хотя, конечно, является таковым в глазах окружающих). Если же поруки не было, на чем настаивает Анна, то слова Коснятина должны квалифицироваться как «бесчестье», за которое он должен по закону ответить (см. цитируемую в издании статью Церковного устава Ярослава: «Аже кто назовет чужую жену блядию...» [НГБ-VII: 132]).

Реальность ситуации, в которой произнесенное оскорбление не признается таковым, поскольку является адекватным обозначением потерпевшего, может быть — применительно, правда, к более поздней эпохе — проиллюстрирована статьей 280 Соборного Уложения 1649 г.: «А будет кто с кем побраняся назовет кого выблядком, и тот кого он назовет выблядком, учнет на него государю бити челом о бесчестье, и с суда сыщется про того челобитчика допряма, что он не выблядок, и ему на том, кто его назовет выблядком, велеть по сыску доправити бесчестье вдвое безо всякия пощады. А будет про того челобитчика в сыску скажут, что он прямой выблядок, прижит у наложницы до законныя жены, или и при законной жене, или после законной жены, и таким выблядком в бесчестьях отказывати» (РЗ, 3, 149–150).

№ 550 (посл. треть XII в.; Б 91) [3]. Как убедительно показал И. Ю. Анкудинов (2014) на основе архивных документов из Новгородского дворцового приказа, в интерпретации термина *вежники* следует вернуться к толкованию, обсуждавшемуся уже в первоначальной публикации грамоты № 550, но в дальнейшем не принятому: *вежники* — члены рыболовной артели. Более точное значение, вытекающее из архивных документов, — рыболовы, занимающиеся зимним ловом рыбы (на озере Ильмень).

№ 567 (сер. 40-х – 70-е гг. XIV в.; Г 36) [Г]. Помимо целиком сохранившейся второй строки и начала третьей строки грамота содержит фрагменты (нижние части) почти двадцати букв в первой строке, оставшиеся до сих пор непрочитанными. Некоторые из этих букв идентифицируются однозначно, позволяя восстановить строку в целом: ... (на)[кла]де [Ѱже] а [не] да[йте] ѿ. В сочетании с последующим текстом и очевидной конъектурой для начальных слов получаем следующую реконструкцию фразы в целом: (*Аже есте дали*) или (*Али будете дали на*)[кла]де [Ѱже], а [не] да[йте] ѿ (*вы*) *дайте истинѣ, дайте не поверже гозбе*. Перевод: ‘Если вы уже отдали проценты, а он не дает (не сказано, чего), то отдайте основную сумму займа, чтобы он не бросил торговли’.

Местоимения *вы* в конце строки требует синтаксис фразы: в текстах этого времени за союзом *и*, стоящим за препозитивным придаточным предложением перед главным, обязательно следует личное местоимение. См., например: *а что рубль дать Игнату, и ты даи* № 363. В нашей грамоте после *и* в конце первой строки есть место еще для двух букв, занятое однако сучком: по всей вероятности, писавший обошел этот сучок, написав *вы* чуть выше.

Чтение (на)[кла]де, а с ним и реконструкция в целом, подтверждается параллелью с грамотой № 142, где *наклады* и *истина* образуют пару, причем оба существительных управляются глаголом *дати*: *тъбѣ рѣже съа снати, а мнѣ наклады твоѣ дати, а истина дана*.

В свете этой параллели фраза *дайте истинѣ, дайте не поверже гозбе* прочитывается иначе, чем в ДНД, где она переведена ‘... дайте капитал (т. е. дайте денег в долг), чтобы он не бросил торговли...’. Тот же перевод, за исключением пояснения в скобках, находим и в НГБ (VIII: 35). Между тем, комментируя при публикации отдельные выражения грамоты, В. Л. Янин отметил возможность иного понимания этих слов: «“дайте истину”: дайте капитал, или: *отдайте капитал* [курсив мой. — А. Г.]» (35). Причину, заставившую оговорить эту вторую возможность (которая, как видим, и подтверждается более полным почтением грамоты), неслож-